

ПОВЫШАЕМ СВОЮ КВАЛИФАКАЦИЮ

И.И.ТИХОМИРОВА,
канд. пед. наук, доцент Санкт-Петербургского
Гос. университета культуры и искусств

Интерес к чтению: как его пробудить?

Альберт Лиханов назвал библиотеку последним оплотом, стоящим сегодня на защите детского чтения. Перед угрозой бездуховности, роста деструктивных социальных явлений, таких как наркомания, суицид, насилие, детское бродяжничество, защита чтения детей, поддержка интереса к нему, стала в ряд задач государственной важности. Приобщая ребенка к чтению, библиотека не только открывает путь к одному из важных источников информации. Она делает значительно более важное дело: она защищает его душу, питает ум и сердце, побуждает к самосознанию, **содействует творческой самореализации личности, ее жизнестойкости**, в каких бы сложных ситуациях она ни оказалась. Спасая чтение от гибели, библиотека вместе с тем поддерживает литературу, ибо какой бы великой и признанной во всем мире она не была, **если она не читается, то, как говорил С. Маршак: “Все произведения Гомера, Данте, Шекспира, Гете, Пушкина — всего лишь мертвая и мертвая гряда бумаг”.**

Как известно, кризис детского чтения проявил себя более всего в утрате интереса школьников к этому виду занятий. Для значительной части нынешних детей чтение — всего лишь ординарная учебная деятельность, не вызывающая радости. Подтверждение такому отношению мы обнаружили, например, при опросе старшеклассников, проведенном в ряде петербургских школ. **Их определения, данные чтению — “мучительное”, “нудное”, “скудное”, “утомительное”, “трудное”, “тоскливое”, “однообразное”, “тягостное”, “заурядное” — говорят сами за себя.** Негативных определений среди общей массы формулировок мы насчитали свыше 30%. Есть основание полагать, что подобное отношение школьников к чтению не новость и для других городов России.

Кризис на то и кризис, что указывает на необходимость перемен, заставляет искать выход, действовать, строить гипотезы. Одной из них, подсказанной опытом дипломников-выпускников информационно-библиотечного факультета СПбГУКИ, специализирующихся по психологии и педагогике детского чтения, я и хочу поделиться.

Гипотеза очень простая: чтобы пробудить у детей интерес к чтению, надо **удивить их самим процессом чтения — в знакомом открыть незнакомое, в скучном — интригующее, в привычном — необычное.** Непосредственный импульс к формулировке гипотезы дали мне слова Стефана Цвейга, сказанные им по поводу чтения: **“Доступность сокровища всегда лишает нас почтения к нему, и только в истинно творческие, раздумчивые, созерцательные мгновения нашего бытия привычное и обычное снова оборачивается чудом”.** Его слова призывают нас задуматься над чтением, попробовать “сиять заставить заново” само затертое слово “чтение”. Если для взрослого открытие “сокровища” чтения стало важным моментом его читательской биографии, то для школьника оно важно вдвойне. Интерес к таинственному, необычному в природе детства. На первых порах постижения умения читать ребенок уже пережил удивление открытия. Для малыша было чудом, что лист бумаги с изображением “крючочков” мог заставить его смеяться или грустить. Позже, когда он обнаружил, что написанное слово имеет определенное значение, для него это было равносильно расшифровке секретного кода, которым пользуются взрослые. Он открыл также, что читаемые слова, выстроенные в цепочки, несут в себе сообщение. Какой-то период это было новым и увлекательным, но со временем свежесть открытия угасала, чтение превратилось в навык, интерес к нему пропал. **Чтобы угасающую искру интереса к чтению воспламе-**

нить, надо “подбрасывать” в нее все новые порции чуда – одну за одной.

Первую “порцию” на этом пути я назвала “Видеть невидимое”. Читая, наш глаз скользит по строчкам, отражая буквы, слова, предложения. Однако схватывание начертаний слов в тексте и даже выборка из него информации — это еще не чтение, а лишь предпосылка к нему. Подлинное чтение начинается с того момента, когда за словом или словосочетанием ребенок увидит и почувствует живые образы: картины, звуки, запахи. Здесь и начинается удивительное: глаз видит одно, а сознание творит другое. На сетчатке глаз у тысяч читателей отражаются одни и те же слова, но возникающее в сознании зрелище у всех разное. Возьмем для примера пушкинскую строчку: “Ни огня, ни черной хаты. Глушь и снег...” Сколько бы читателей ни устремлялось в текст, строчка будет для всех одна и та же, да и информация, пожалуй, одинаковая, ведь речь идет о ночном заснеженном пространстве, далеком от жилья — но картины, рисуемые воображением читателей, будут неповторимые. Вот одна из них: “Огромная, бескрайняя российская ночь. Вокруг ничего живого. Коня встали. Шуршит поземка по насту. Пушкин соскочил с возка размяться. Глушь и снег. На человеческом беспомощном его лице тают случайные снежинки”. Такими предстали эти строчки перед внутренним взором талантливого читателя, каким явился Глеб Горбовский. **Наши дети, если дать им свободу и подтолкнуть воображение, способны удивить нас не меньше своими оригинальными картинами. Не верите? Попробуйте. И вы сами, и ваши дети убедятся, что видеть невидимое — это чудо органически присуще чтению, и слова Экзюпери: “Главного глазами не увидишь” — имеют к чтению прямое отношение.**

Способно удивить учеников и **другое качество чтения, которое я назвала “Великое переселение”**. Речь идет о мысленном перемещении читающего человека из мира внешнего в мир внутренний. Что еще, кроме чтения художественной литературы, помогает одному человеку оказаться “внутри” другого: проследить ход его мыслей, его чувств, его радостей и печалей, вникнуть во все тонкости и изгибы его души, его мироощущение. Не случайно известный русский психолог чтения Н. Рубакин главным вопросом к художественному произведению ставил такой: “Что даешь ты для понимания человека, человеческой души, всех ее переживаний и в ней самой, и в ее отношении к психике других людей?” Все то, что в реальном мире осуществить невозможно, да и наука здесь бессильна, — войти в субъективный “мир иной”, отличный от твоего, и пребывать в нем, как у себя дома — становится возможным при чтении через процесс сопереживания и “подстановки”. Сколько чудес,

например, нарисовал нам Пушкин в “Сказке о царе Салтане” — и о богатырях, и удивительной белке, и о прекрасной царевне Лебеди. Но самое дивное для меня в этой сказке — способность гениального поэта ввести читателя в тончайшие тонкости внутреннего мира персонажей. Величайшей психологической находкой Пушкина является передача чувства смятения героев, выраженного в их молчании. Вот момент долгожданной встречи князя Гвидона с отцом: “В город он повел отца, ничего не говоря”. Их потрясенное молчание дает мне как читателю несравненно больше того, что можно было сказать словами. Герои молчат, но не молчит сердце читателя. Безмолвие наполняется глубоким волнением, слезами счастья встречи. И невольно приходят на ум собственные воспоминания.

Осознание способности литературы открывать “психологическую дверь” в человека, важное для всех читателей, особенно значимо для старшеклассников. Опрос их показал, что им, оканчивающим школу, очень не хватает психологических знаний, умения понимать себя и других. Вот почему, открыв хоть раз внутренний мир другого человека, вдумавшись в него, читателю вновь и вновь захочется это переселение повторить. В переживаниях другого как самого себя таится необычайная привлекательность. Побывав с помощью чтения в глубинах глубин человеческой души, познав бездну ощущений и состояний, читатель обогащается как личность.

Важно подчеркнуть, что “великое переселение” — это двустороннее движение. Читатель переселяется в мир персонажей, мир персонажей — в него. И начинает жить в нем самостоятельной жизнью. **И здесь мы сталкиваемся с новым волшебством чтения — “оживлением литературных персонажей”**. Если в сказке героев оживляют с помощью живой воды, то при чтении это происходит при помощи воображения. **“Герои великих литературных произведений казались мне более реальными, чем окружающие люди”, — писал русский философ Н. Бердяев, вспоминая свое детское чтение.** Те, кто интересуется читательскими отзывами детей, наверняка встречали в них фразы вроде этой: “Лена Бессольцева для меня живее живых, так как я ее хорошо понимаю”. Интересный пример, подтверждающий чудо оживления персонажей, мы обнаружили и в сочинениях петербургских школьников “Мой друг”. **Среди реальных друзей у третьеклассников оказались литературные герои: у кого-то Буратино, у кого-то Элли, у кого-то Дениска Кораблев и т.д.** “Мой лучший друг — Мюнхгаузен, — пишет мальчик. — Когда мне бывает грустно, я беру книгу, и Мюнхгаузен обязательно рассмешит меня, и я забываю свое плохое настроение. Он всегда приходит мне на помощь, как только я о нем вспоминаю”.

Когда-то на радио была передача “В мире литературных героев”, где проходили встречи с Томом Сойером, Гекком Финном, Робинзоном Крузо и другими известными персонажами детской классики. Такого рода встречи могут быть организованы в библиотеке. Интересный пример интервью с Маленьким принцем как с живым человеком провела библиотекарь Н.М. Ильцева в разработанной ею игре “Я родом из детства” (Читаем, учимся, играем. Вып.2. 2000, Вып.2, с. 84-86). Оживляя своим воображением героев книг, читатель обретает возможность общения с ними. Книга начинает разговаривать с ним, причем только с ним одним. Его уже не надо уговаривать прочесть книгу, он сам потянется к ней, особенно в минуты грусти и одиночества.

Вместе с переселением во внутренний мир героев книг, вместе с “оживлением” тех, кого никогда не было, рождается еще одно чудо чтения – возможность в течение одной жизни пережить множество иных. Эта возможность даруется каждому читателю, способному к перевоплощению. Любопытна в этом отношении японская сказка автора Т. Канзава “Как бабушка была паровозом”. Была она, оказывается, и домом, и колодцем, и совой, и даже маленькой мышкой. Если взрослый человек, актер, например, способен стать другим, то детям это сделать еще проще. Для них перевоплощение – естественное состояние. Вспомним их игры: “Я теперь уже не Мишка, я советский самолет” (Д. Хармс). В их читательских отзывах нередко можно встретить признания: “Я как будто сам был героем этой книги и сам испытал все приключения”. Не могу не привести здесь слова известного писателя А.И. Смирнова-Черкезова: “Гений писателя стократно преумножал мой жизненный опыт. Я был графом и безлошадным крестьянином, был влюбленной девушкой и старой бабушкой, был бродягой, картежным игроком, сумасшедшим, убийцей, был даже лошадью и собакой. Много раз рождался и умирал, жил в Древней Элладе и в гитлеровской Германии, побывал в аду и в раю, сражался с Наполеоном и ветряными мельницами. Я испытал все искушения и страсти, поднимаясь на вершину человеческого духа, и низко падал. Каждый день я живу своей и чьей-то еще жизнью и низко кланяюсь писателю, когда эта чужая жизнь становится моей”.

Всего удивительного, что несет в себе чтение, в одной статье не раскрыть. И все-таки трудно удержаться, чтобы еще об одном замечательном свойстве не упомянуть. Свойство это мы назвали **“Самоузнавание”**. На него указывал великий немецкий писатель Г. Гессе: “Каждый книжный том/Это только путь к тому/ Что в тебе самом”. Это свойство может поразить читателя. К. Чуковский когда-то в детстве прочитал рассказ Чехова “Володя” и открыл в герое себя: “Рассказ “Володя” — пишет он,

— был весь обо мне, так, что даже стыдно было читать его вслух, и я не переставал удивляться, откуда Чехов так знает меня, все мои мысли и чувства”. И в самом деле, каждый из читающих испытал, что книга выманивает из его души, как из кладовых памяти, что-то из того, что уже забылось и лежало без движения, а по воле писателя вспомнилось, ожило, расцвело, заработало, соотносилось одно с другим, захватило нас. И мы не подозреваем, что в нас такое заложено. И как говорил Белинский: “В грусти великого поэта всякий узнает свою грусть, в его душе всякий узнает свою... Признавая его существом несравненно выше себя, всякий в то же время сознает свое родство с ним”. Писатель не только извлекает из нашего сознания былое, но и помогает испытать то, что раньше не было изведано. Как говорил поэт Л. Мартынов: “Вспоминаем неожиданно, /Непредвиденно, негаданно, / То, что было и не видано, /Да и не предугадано”. Тем самым читатель не только осознает самого себя, открывает в себе новые возможности, но и поднимается над самим собой. Вот почему не случайной оказалась фраза в одном из отзывов подростка о произведениях Р. Погодина: “Мне захотелось быть умнее, смелее, уверенней, чем я есть”. И еще одно. Осознавая себя как личность, читающий школьник не только узнает себя в ком-то из героев, но он и отделяет себя от них, приходит к пониманию, что, при всей схожести, он – другой. И это **понимание себя в мире единственным и неповторимым, которому предстоит реализовать свою уникальность, — важнейшее открытие**. Вряд ли с этим открытием по своему значению сравнятся другие во все последующие годы.

Надо подчеркнуть, что все упомянутые и неупомянутые чудеса чтения вытекают из одного источника – СЛО’ВА. И читатель начинается тоже со слова, которое не только несет в себе информацию, но и богатство значений, возможность создавать образы, анализировать, переживать, фантазировать. Чем талантливее писатель, тем многозначнее его слово, тем больше он дает простор для читательского сотворчества. Недавно я прочла у литературоведа Л. Озерова, как Пушкин искал прилагательное к слову “лорнет”. Сначала лорнет имел прилагательное “позолоченный”. Однако оно было отвергнуто поэтом и заменено словом “разочарованный”. “Позолоченный” и “разочарованный” — колоссальная разница. Если первый – предметный, сковывающий воображение читателя, и ничего не прибавляет к характеристике героя, то второй – дополняет образ и дает простор для домысливания, понимания эмоционального настроения героя.

Хотелось бы в этой связи познакомить читателей журнала с опытом стимулирования детского словотворчества, накопленным в Районной детской библи-

отеке г. Сланцы Ленинградской области. Библиотека увлекла детей заполнением пространства слова чувствами, звуками, красками, ощущениями. Выбирают слово, подсказанное детьми, ну, например, “тишина”. Что видят, слышат, обоняют, осязают они, произнося и читая это слово. Силой творчества детей оно обрастает образами. От поиска образов, связанных со словом, переходят к поиску самих слов для передачи настроения, состояния, переживания. Рождаются мини-сочинения, зарисовки, эссе. Подтверждается мысль писателя М. Пришвина: **“Человек живет и рождает новое, и от него остается навсегда то небывалое, что он рождает словами”**. Эта увлекательная работа не только заставляет детей восхищаться тем или иным образным словом писателя, но и облагораживает бытовой язык. **Уходит из лексики словесный мусор детской субкультуры, отдаляющий детей от подлинной культуры, разрушающий мост между поколениями.**

На помощь библиотекарю, стремящемуся увлечь ребенка чтением, может прийти опыт восприятия литературы в детстве выдающимися людьми. Все они стали известными, возможно, потому, что еще в детстве прошли школу искусства чтения. Некоторый материал о чтении в детстве этих людей нашел отражение в книге “Природа ребенка в зеркале автобиографии” в главе “Лес белых страниц за дверцей книжного шкафа”. Сами примеры читательских впечатлений детства способны заставить нынешних детей задуматься. Они побуждают обратиться к собственному опыту чтения, воскресить давно забытые образы, осознать их ценность. Этот материал может быть использован в непосредственной работе с детьми как образец творческого чтения их сверстников, как школа творчества, как опыт, ведущий к достижениям в том или ином виде духовной деятельности.

У меня давно зреет мысль написать сценарий (по примеру когда-то очень интересного радиослушателям “Клуба знаменитых капитанов”) “Клуб великих читателей и их юных последователей”. В этом клубе должны сойтись такие личности, как Александр Герцен, Сергей Аксаков, Иван Бунин, Максим Горький, Марина Цветаева, Константин Станиславский, Николай Рубакин и др. Каждый “рассказал” бы нынешним школьникам о своем опыте детского чтения: кто-то – о силе сопереживания, кто-то – о важности перечитывания, кто-то – о самопознании с помощью чтения, кто-то – о роли фантазии. Каждое заседание клуба могло бы стать ступенькой в мир искусства чтения и “возвращения” собственной души. Предметом обсуждения с детьми могли бы стать мудрые высказывания талантливых читателей. Приведем для примера несколько высказываний, отличающихся своей нестандартностью:

“Чтение есть посвящение, волшебный ключ, открывающий в нас самих дверь обитателей, куда мы иначе не смогли бы проникнуть”

(Марсель Пруст).

“Читая книгу — не нужно забывать, прежде всего, что главная-то суть дела, самая суть полезности книги — не в ней, а в вас самих, дорогой читатель”.

(Николай Рубакин).

“Хотя возможность научиться читать дается нынче каждому, лишь немногие замечают, как могущественен талисман, который они получили”.

(Герман Гессе).

Однако, сколько бы удивительных свойств чтения мы ни называли, самым изумительным является это: “Чудеса творят дети, когда читают книги”. **Эти чудеса творческого чтения детей, любящих литературу, и надо поставить во главу угла библиотечной работы. Особенно это важно для подростков, чей мир наполняется сведениями и гипотезами о себе и других. Надо, чтобы читательское творчество сверстников стало достоянием всех, кто приходит в библиотеку. Отзывы на книги, рисунки по мотивам прочитанного, суждения, впечатления, сочинения — вот самое удивительное, что одни читатели могут подарить другим. Пусть те, для кого чтение — “это все”, чаще рассказывают о минутах счастья, испытанных при чтении.**

“Могущественный талисман”, ставший достоянием одних, может стать достоянием и других. Надо только поддержать, усилить, поощрить читательское творчество.

Заканчивая разговор о некоторых способах увлечь детей чтением, привожу комический прием, который мне предложили испробовать студенты. **Они нарисовали плакат с изображением человека, у которого отсутствует правое полушарие, и сделали надпись: “Этот человек не читает”. А рядом поместили текст: “Правое полушарие ведает творчеством, образным мышлением, аналоговым и ассоциативным восприятием, интуицией и фантазией. Левое — всем остальным”**. А если и вправду продемонстрировать этот плакат перед детьми. Может быть, некоторые призадумаются?

В основе гипотезы, о которой мы рассказали, лежало стремление перевернуть представление детей о чтении: в старом — показать новое, то, о чем, может быть, многие из школьников, даже оканчивающих школу, так и не догадались. Однако главный импульс к чтению лежит внутри самого ребенка, в тех реальных проблемах, которые его волнуют сегодня, а ключ решения их находится в книге, но это уже другая гипотеза.